О доброте и гармонии

Вниманию «широкого круга читателей» (как принято писать в кратких аннотациях к большинству выходящих сейчас книг) нам хотелось бы предложить исследование московского критика Геннадия Красухина, посвященное «некоторым проблемам пушкинского творчества»[1]. Книга рассматривает поздние произведения А. С. Пушкина и состоит из трех практически самостоятельных частей, первая из которых посвящена «Евгению Онегину», вторая — «Медному всаднику» и «Пиковой даме» и, наконец, третья — стихотворению «Памятник». Наиболее интересной, глубокой по мысли и нетривиальной по способу проникновения в поэтику произведения показалась нам вторая часть, особенно ее страницы, посвященные «Пиковой даме». Рассуждая о многоплановости этого произведения, Г. Красухин проводит полное неожиданных открытий и параллелей с мифологией исследование. Сложность жанрового определения заставляет рассматривать внутреннюю структуру «Пиковой дамы», ее стилистику, образный мир. «Пиковая дама» — «не только реалистическая или фантастическая повесть. Она еще и с к а з к а. Причем сказка в о л ш е б н а я...»[2]. Интерес у читателя вызовет трактовка автором книги образа старой графини, пиковой дамы, ведьмы, мотовки, старухи, на склоне лет решившей спасти свою душу. Это — полусказочный персонаж, полуреалистическая героиня...

Нужно отметить, что связь пушкинского творчества с фольклором исследуется критиком очень внимательно. Отражения народных обрядов, песен, сказок, поверий, легенд ищет и находит он в «Пиковой даме» и, разумеется, в «Евгении Онегине». Находки интересны и оригинальны. «...В русском фольклоре герой нередко засыпает на много лет до отведенного ему судьбой часа, когда будет разбужен для уготованных ему свершений... душа эпического героя пробуждена именно Онегиным: «О т к р ы л и с ь о ч и; // Она сказала: это он!» (3, VIII)[3]. «Показать и доказать» «связь пушкинского творчества с творчеством народа» — в этом видит Г. Красухин одну из главных задач своей книги.

Но, увы, не сплошь из удач состоит книга. Та же связь с народным эпосом порой выглядит надуманной. Например, понятно объясняя, с точки зрения «Евгения Онегина» как романа, слезы Татьяниной матери боязнью, что дочь откажет блестящему жениху, критик добавляет, что «в эпическом (плане. — М. К.) материнские слезы святы... Слезы матери освящают подневольное Татьянино з а м у ж е с т в о»[4]. То есть Татьяна—героиня эпоса, ее замужество—подвиг, а слезы — на этот подвиг благословение. Г. Красухин, как нам кажется,—один из тех литературоведов, которые предпочитают рассматривать то, что «сказалось» художником, и уж потом, если в этом есть необходимость, что «хотел сказать» художник. Здесь же он этому золотому правилу критики изменил. Впрочем, такие неудачи редки, и большей частью выводы строятся на глубоких доказательствах.

Нам особенно близка и дорога авторская мысль о том, что «Пушкин — это живая связь прошлого русской литературы с ее будущим, это залог ее неизбывного жизнелюбия, основанного на горячей вере в добро, в его непременное торжество над злом»[5].

Пушкинская мысль о том, что «только в нерушимости гармонического единства мышления и интуиции, сознания и подсознания, ума и сердца — залог п о н и м а н и я человеком жизни вообще и людей в частности»[6], стала лейтмотивом работы Геннадия Красухина. Покой как отсутствие суетности и дисгармонии и воля как воплощение молодости, движения и жизни — два эти начала пушкинских творений стремился донести до читателя современный критик. И это ему удалось.

М. КАБУЗЕНКО

---

[1] Геннадий Красухин. «Покой и воля. Некоторые проблемы пушкинского творчества». Издательство «Современник». М. 1987.

[2] Там же. Стр. 198.

[3] Там же. Стр. 79.

[4] Там же. Стр. 95.

[5] Там же. Стр. 13.

[6] Там же. Стр. 85.

После дуэли

Наиболее авторитетным исследованием дуэльной истории Пушкина остается до настоящего времени фундаментальный труд П. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина». Изданная в 1916 году, книга была дважды переиздана в значительно переработанном виде в 1917 и 1928 годах, а затем, уже после смерти автора, — совсем недавно, к стопятидесятилетию со дня трагической гибели поэта, в 1987 году.

В КНИГЕ П. Щеголева собраны и прокомментированы многочисленные документы — письма, дневники, свидетельства современников, официальные бумаги, освещающие различные аспекты дуэльной истории, начиная от событий, предшествовавших кровавой трагедии, и кончая происходившими уже после смерти Пушкина.

Вместе с тем некоторые известные ему документы, освещающие, в частности, отношение к дуэли Николая I и военных кругов, П. Щеголев опубликовал фрагментарно или не включил в свое собрание вообще. Он опустил, например, ту часть письма Николая I к брату — Великому князю Михаилу Павловичу, находившемуся тогда в Риме, где совершенно недвусмысленно высказано одобрение действий Пушкина в преддуэльной ситуации.

Не опубликован в книге «Дуэль и смерть Пушкина» и приговор Комиссии Военного суда, отражающий отношение к трагедии на Черной речке гвардейских офицеров, согласно которому Дантес приговаривался к смертной казни через повешение. (Нельзя в этой связи не вспомнить записи в дневнике Пушкина 26 января 1834 г.: «Барон д'Антес и маркиз де Пина... будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет».)

Возможно, эти подробности не вполне вписывались в общую концепцию книги, в подтексте которой звучит мотив негативного отношения к Пушкину со стороны двора и самого императора.

Так или иначе, но сегодняшние представления об исторической объективности требуют более полного и всестороннего ознакомления общественности со всеми материалами, имеющими отношение к дуэли Пушкина.

Ниже публикуются оба названных выше документа, существенно дополняющие материалы П. Щеголева.

Из письма императора Николая I к брату — Великому князю Михаилу Павловичу

Среда, 3 февраля 1837 г.
С. Петербург

...С последнего моего письма здесь ничего важного не произошло, кроме смерти известного поэта Пушкина от последствий раны на дуэли с Дантесом. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится их неловкое положение, но с тех пор, как Дантес женился на сестре жены Пушкина, а сей последний тогда же письменно отрекся от требованной сатисфакции, надо было надеяться, что дело заглушено. Дотоль Пушкин себя вел, как каждый бы на его месте сделал; а хоть никто не мог обвинять жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса и в особенности гнусного его отца Гекерна. Но последний повод к дуэли, которого никто не постигает и заключавшийся в самом дерзком письме Пушкина к Гекерну, сделал Дантеса правым в этом деле. C'est le cas de dire, chassez le naturel, il revient au galop[1]. Пушкин погиб. И слава Богу умер христианином. Это происшествие возбудило тьму толков, наибольшей частью самых глупых, из коих одно порицание поведения Гекерна справедливо и заслуженно: он точно повел себя как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривая жену отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным Дантес вдруг посватался на сестре Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна. Так как сестра ее точно любила Дантеса, то Пушкин тогда же и отказался от дуэли. Но должно ему было при том и остаться — чего не вытерпел. Дантес под судом, равно как Данзас; и кончится по законам; и кажется, что канальи Гекерн отсюда выбудет...

Приговор Комиссии Военного суда по делу о дуэли, от 19 февраля 1837 года.

По указу Его Императорского Величества Комиссии Военного суда, учрежденная при Лейб-Гвардии Конном полку над поручиком Казалергардского Ее Величества полка бароном Д. Гекерном, камергером Двора Его Императорского Величества Александром Пушкиным[2] и инженер-подполковником Данзасом, преданными суду по воле высшего начальства первые двое за произведенную 27-го числа минувшего Генваря между ими дуэль, на которой Пушкин, будучи жестоко ранен, умер, а последний Данзас за нахождение при оной посредником или секундантом,— находит следующее: между подсудимыми камергером Пушкиным и поручиком бароном Д. Гекерном с давнего времени происходили семейные неприятности, так что еще в ноябре месяце прошлого года первый из них вызывал последнего на дуэль, которая, однако, не состоялась.

Наконец Пушкин 26-го Генваря сего года послал к отцу подсудимого Гекерна министру нидерландского двора барону Гекерну письмо, наполненное поносительными и обидными словами. В письме сем Пушкин, описывая разные неприличные поступки против жены его подсудимого Гекерна, называл их низостью и ничтожностью, они погрязли в самом холодном презрении и заслуженном отвращении. Далее Пушкин, самого министра Гекерна называя представителем Коронованной главы, изъяснился, что он родительски сводничал своему сыну и руководил неловким его поведением, внушал ему все заслуживающие жалости выходки и глупости, которые позволили себе писать, и, подобно старой развратнице, сторожил жену его, Пушкина, во всех углах, чтобы говорить с ней о любви к ней незаконнорожденного сына и, когда он оставался дома, больной венерической болезнью, говорил, что умирает от любви к ней, бормотал ей возвратить ему его. В заключение Пушкин, изъявляя желание, чтобы Гекерн оставил дом его и не говорил жене его казарменные каламбуры, назвал его подлецом и негодяем.

Министр нидерландский барон Гекерн, будучи оскорблен помещенными в сем письме изъясненными словами, того же числа написал от себя к Пушкину письмо с выражениями, показывающими прямую готовность к мщению, для исполнения коего избрал сына своего подсудимого поручика барона Гекерна, который на том же сделал собственноручную одобрительную надпись. Письмо сие передано было Пушкину через находящегося при французском посольстве графа Д' Аршиака, который настоятельно требовал удовлетворения оскорбленной чести баронов Гекернов. По изъявленному на сие Пушкиным согласию назначена между ним и подсудимым Гекерном дуэль, к коей секундантами или посредниками избраны были со стороны Пушкина инженер-подполковник Данзас, а от Гекерна упомянутый граф Д' Аршиак, выехавший уже, как из дела видно, за границу. Дуэлисты и секунданты по условию 27-го Генваря в 4 часа вечера прибыли на место назначения, лежащее по Выборгскому тракту за комендантскою дачею в рощу. Между секундантами положено было стреляться соперникам на пистолетах в расстоянии 20 шагов так, чтобы каждый имел право подойти к барьеру на 5 шагов и стрелять по сопернику, не ожидая очереди. После сего секунданты, зарядив по паре пистолетов, отдали по одному из них противникам, которые по сделанному знаку тотчас начали сходиться: первый выстрелил Гекерн и ранил Пушкина так, что сей упал, но несмотря на сие Пушкин, переменив пистолет, который засорился снегом, другим, в свою очередь тоже произвел выстрел и ранил Гекерна, но не опасно. На сем поединок кончился, и как соперники, так и посредники их возвратились по домам, где Пушкин, как выше значится, от раны умер. <...>

Комиссия Военного суда, соображая все вышеизложенное, подтвержденное собственным признанием подсудимого поручика барона Гекерна, находит как его, так и камергера Пушкина виновными в произведении строжайше запрещенного законами поединка, а Гекерна — и в причинении пистолетным выстрелом Пушкину раны, от коей он умер, приговорила подсудимого поручика Гекерна за таковое преступное действие по силе 139 артикула воинского Сухопутного устава и других под выпискою подведенных законов повесить[3], каковому наказанию подлежал бы и подсудимый камергер Пушкин, но как он уже умер, то суждение его за смертию прекратить, а подсудимого подполковника Данзаса, хотя он и объясняет Комиссии, что при изъявлении согласия быть посредником при вышеобъясненном происшествии, спрашивал секунданта с противной стороны графа Д' Аршиака, не имел ли средств к примирению ссорящихся миролюбно, который отозвался, что нет никаких, но как не поступил по всей силе 142 воинского артикула, не донес заблаговременно начальству о предпринимаемом ими злом умысле и тем допустил совершиться дуэли и самому убийству, которое отклонить еще были способны, то его, Данзаса, по долгу верноподанного, не исполнившего своей обязанности, по силе 140 воинского артикула повесить. Каковой приговор подсудимым поручику барону Гекерну и инженер-подполковнику Данзасу объявить и объявлен, а до воспоследовании над ними конфирмации, на основании доклада генерал-аудитора князя Салагова от 18 июля 1802 года, содержать под строгим караулом.

Впрочем таковой свой приговор представляет на благоусмотрение высшего начальства, заключен в С. Петербурге, Февраля «19» дня 1837 г.

Корнет ОСОРГИН,
Корнет ЧИЧЕРИН,
Поручик АННЕНКОВ,
Поручик ШИГОРИН,
Штабс-ротмистр БАЛАБИН,
Ротмистр СТОЛЫПИН,
Флигель-адъютант полковник БРЕВЕРН I,
Аудитор: МАСЛОВ

---

[1] Это тот случай, о котором говорят: сколько ни загоняй природу внутрь, она все равно вырвется наружу (франц.).

[2] Придворный чин камергера могли иметь лица, имевшие по гражданской службе чин не ниже 5-го класса. Пушкин, как чиновник 10-го класса, имел более низкий придворный чин — камер-юнкер.

[3] Мера наказания подсудимым, определенная Комиссией Военного суда, при утверждении приговора 18 марта была смягчена: Дантес был разжалован в рядовые с лишением прав русского дворянства и подлежал высылке за границу. На следующий день после утверждения приговора — 19 марта — он был выслан до границы в сопровождении жандармского унтер-офицера. В отношении секунданта А. С. Пушкина окончательное постановление суда гласило: «Вменив ему, Данзасу, в наказание бытность под судом и арестом, выдержать сверх того под арестом в крепости два месяца и после того обратить по-прежнему на службу».

Предисловие и публикация Леонида АРИНШТЕЙНА

Языком графики

Павел БУНИН. «Полтава»